

«Скинь с них (страстей, — С. Е.) бразды томного благоразумия» («Крестьяны»). Нет надобности приводить другие примеры, но следует отметить, что неясностью, неточностью страдают даже некоторые включенные в «Путешествие из Петербурга в Москву» в виде цитат отрывки сделанных Радищевым же переводов из сочинений иностранных писателей (например, из Тацита в главе «Торжок»).

Интересно, вместе с тем, что таким затрудненным, усложненным, отяжеленным слогом Радищев иногда сознательно пользовался с той целью, чтобы создать впечатление резкого контраста при переходе к иной стилистической манере. Так, в знаменитом аллегорическом «сне» (в главе «Спасская полость») витиевато написаны риторические хвалы в честь верховного властителя, но вот в этом рассказе наступает перелом, появляется символическая фигура Истины-Прямовзоры, и громоздкие фразы, с частыми и запутанными инверсиями, сменяются короткими, ясными предложениями: «Черты лица ее были суровы и платье простое. Глава ее покрыта была шляпою, когда все другие обнаженными стояли главами. Кто сия? — вопрошал я близ стоящего меня. . .». В главе «Хотилон», содержащей «Проект в будущем», имеется подобный же переход от тягучего славословия к сильной разоблачительной живописи, пользующейся точными и краткими предложениями: «Что видим мы? Пространный воинский стан. Царствует в нем тишина повсюду. Все ратники стоят в своем месте. Наивеличайший строй зрится в рядах их».

Язык публицистических и философских рассуждений Радищева воспринимается трудно, но читателя их прямо поражают многие замечательно четкие, чеканные, законченные формулировки, так выгодно, а местами и неожиданно выделяющиеся на общем фоне. В великолепные афоризмы отливаются любимые идеи Радищева о свободе печатного слова, о просвещении народа, о «священном даре» вольности: «Цензура сделана нянькою рассудка, остроумия, воображения, всего великого и изящного. Но где есть няньки, то следует, что есть ребята, ходят на помочах, от чего нередко бывают кривые ноги», «цензура с инквизициею принадлежит к одному корню; . . . учредители инквизиции изобрели цензуру, то есть рассмотрение приказное книг до издания их в свет», «священнослужители были всегда изобретателями оков» («Торжок»), «согласиться всяк должен, что тесные умы и малые души внешность поражать может» («Выдропуск»).

Разбросанные по главам «Путешествия из Петербурга в Москву» афоризмы о «незаконных сынах отечества» — «при-